

Отзыв

официального оппонента о диссертации Кашлявик Киры Юрьевны «Поэтика прозы Блеза Паскаля», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 — Литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Представленная к защите работа заполняет значительную филологическую лакуну в изучении литературной деятельности французского писателя-мыслителя и ученого. В отечественных исследованиях рассматриваются, как правило, биографические, научные, философские, религиозные, культурно-исторические аспекты его творческого наследия, но почти не затрагиваются (кроме статьи 1941 г. С.Д. Коцюбинского «Литературное наследие Паскаля») вопросы писательского мастерства и поэтики прозы Паскаля, составившие предмет и объект научного внимания соискательницы.

Предпринятый ею впервые «систематический анализ поэтики Паскаля» (С. 15 автореферата) давно востребован нашим литературоведением, и с этой точки зрения работа К.Ю. Кашлявик является важным этапом движения в таком направлении. Одно из несомненных достоинств диссертации заключается в том, что её автор изучил практически все исследования творчества Паскаля на русском языке, проанализировал и систематизировал многочисленные французские, выделив из них те немногие, которые каким-либо образом соприкасаются с ее темой. В результате проблематика рецензируемого труда и способы ее разрешения становятся по-настоящему новыми и актуальными.

Теоретическая значимость диссертации определяется последовательным анализом корпуса произведений Паскаля как «единого текста», соединяющего в себе собственно автора с автором биографическим

и идеологическим, профанную светскую культуру с библейским мировоззрением, христианскую традицию с научными, философскими и литературными веяниями Нового времени риторического «готового слова» со «словом свободным». Синтезируя биографический, сравнительно-исторический, текстологический и герменевтический методы, автор диссертации опирается на фундаментальные труды французских паскалеведов (Лафюма, Менар, Селье, Эрнст), на историческую поэтику в трактовке С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, М.Л. Андреева, П.А. Гринцера (С. 8-10 диссертации), на концепции А.В. Михайлова о риторической культуре и М.М. Бахтина о романном мышлении. Представляется оправданным и использование понятия «стиль» в дефиниции А.Ф. Лосева (С. 10 диссертации), что позволяет определить особый «ядерный стиль» «Мыслей» и их художественный потенциал, рассматривать поэтику Паскаля в становлении и развитии.

Уместно и обоснованно в связи с этим использованы понятия диалогической поэтики, разноречивости, смехового начала для анализа «Писем к провинциалу». Введение для обсуждения неоконченного текста «Мыслей» понятия «прерванный текст» дает возможность выявить принципиальные особенности архитектоники и содержания главного произведения Паскаля. Непривычные понятия связаны с общим характером творчества Паскаля, в котором главное место занимает «христианский факт», обуславливающий диалогический характер его авторского сознания. Такая постановка вопроса позволяет рассматривать тип художественного мышления Паскаля не только в контексте культурно-исторической эпохи XVII века, но и в предыстории становления романного жанра.

Таким образом, К.Ю. Кашлявик впервые осуществила объемную, многостороннюю, глубокую и кропотливую работу по обсуждаемой теме.

Положения, выносимые на защиту, научно фундированы и убедительны. Логически продумана структура диссертации, содержащая Введение, четыре главы, Заключение, Библиографию и Приложение.

Во Введении в соответствии с общей направленностью работы задаются параметры исследования, определяются его объект, предмет, цели, задачи и методы анализа, фиксируются основные положения, выносимые на защиту.

Для адекватного и полноценного осуществления задач и целей диссертации её автор в первой главе «Паскалевский текст и подходы к его исследованию» (С. 32-69 диссертации) обращается к инструментарию текстологии, который в сочетании с историко-литературным анализом способствует выявлению формы становления индивидуальной поэтики Паскаля в контексте жанровой системы риторического слова и литературного процесса XVII века. Соискательница прослеживает «разные», семейные, идеологические, научные традиции издания текстов французского писателя и их источников, историю и судьбу «Мыслей», выявляет отличия подходов к их публикации. Она обзорекает все издания произведений Паскаля в смене их отличительных особенностей и выбирает для своей работы издание под редакцией Ж. Менара - патриарха паскалеведения, находя в его эдиционных подходах соответствие собственной методологии: «творения Паскаля могут быть изданы только в окружении документов и свидетельств, которые создают для них естественную дополнительную» (С. 59 диссертации). Классифицируя все 48 атрибутированных текстов Паскаля, она группирует те из них, которые могут быть охарактеризованы как литературные или имеющие художественную составляющую. В результате «паскалевский текст» предстаёт как открытое и незавершённое целое, связанное «диалогическими» отношениями с внетекстовыми структурами не только различных отраслей знания, но и разных культурно-исторических эпох.

Этапы изучения текстов Паскаля помимо историко-литературного значения открывают и современный подход к его поэтике – сочетание текстологического аспекта и телеологии замысла писателя. Важнейшая особенность описания литературной саморефлексии и индивидуальной поэтики Паскаля, по заключению К.Ю. Кашлявик состоит в том, что он не мыслил себя писателем (С. 18 автореферата), которым его сделала история литературы.

Во второй главе «Паскаль биографический» (С. 70-175 диссертации) в соответствии с обозначенным выше методологическим принципом «естественной дополнительности» реконструируется возможная полнота культурно-исторического контекста с его различными сторонами: месторазвитие и род Паскалей, круг чтения, влияние «Опытов» Монтеня, значение Библии и ряд других. При этом соискательнице удалось добавить к хорошо известному образу Паскаля, и, прежде всего, к образу автора, новые черты. Интересно изложена история изображений Паскаля (С. 147-159 диссертации), что позволяет увидеть в иконографии своеобразное проявление модели его поэтики, сочетающей визуальный знак, слово и житнетворчество. Рассматривая влияние музыки на формирование стиля и художественного мира Паскаля, К.Ю. Кашлявик приводит убедительные примеры сочетания прозы и поэзии, переходов прозы в поэзию, прочитывая интонационно и графически некоторые фрагменты «Мыслей» как стихи и открывая перспективу для дальнейшего изучения слова французского писателя. Важными представляются примеры влияния традиции Рабле на художественные приёмы Паскаля, что укрепляет положение диссертации о том, что его слово может быть вписано в предысторию романной эстетики (С. 126-132 диссертации). В рамках решаемых во второй главе задач заслуживают особого внимания замечания ее автора об особенностях двух обращений Паскаля, о влиянии, так сказать, французской школы духовности, о конкретике «малых дел» как внутреннем сопротивлении риторике, о

«Беседе с господином де Саси об Эпиктете и Монтене» как «предтексте паскалевского стиля» (С. 103 диссертации).

Как принципиальный поворотный момент в биографии Паскаля рассматривается его «Письмо» по случаю смерти отца, в котором выражено своеобразие его самопознания и обретение авторского голоса. По мнению исследователя, жанр письма оказывается для Паскаля тем жанром, в котором шлифуются основные образы и приёмы, и будет развернута «диалогическая поэтика» «Писем к провинциалу» и «Мыслей» (С. 160-175 диссертации). В связи с этим можно было бы привлечь к обсуждению «Христианские и духовные письма» Сен-Сирана, повлиявшего на развитие духовной личности Паскаля. Для характеристики единства биографических, научных и писательских аспектов его творчества было бы небесполезным обратиться к дискуссии с ректором иезуитского Коллеж де Клермон отцом Ноэлем, критически откликнувшимся на его трактат о пустоте и не приводившего никаких опытных аргументов. В ответном письме от 29 октября 1647 г. автор трактата чередует едкую иронию и строгую логику и, как бы предвещая интонацию «Писем к провинциалу», говорит о необходимости использовать для доказательства своей правоты доводы философов и учёных, а не их имена. Определённым преддверием особенной писательской эстетики Паскаля является введение образа «друга-читателя» в «Предуведомлении...» к изобретённой им арифметической машине. Там также утверждается, что настоящая арифметическая машина, отличающаяся от копий ремесленного самодовольства, «может быть порождена лишь в законном и необходимом союзе теории и искусства». В биографическом плане можно было бы также коснуться взаимоотношений Паскаля с Миттоном и особенно с де Мере, взаимоотношения с которыми влияли на представления Паскаля об «искусстве нравиться» и «искусстве убеждать» и на осознание выбора соответствующей читательскому восприятию стилистики.

Третья глава диссертации (С. 176-251 диссертации) посвящена изучению диалогических основ поэтики Паскаля на примере «Писем к провинциалу». Автор справедливо замечает, что их тематика отсылает к интеллектуальным спорам и к диалогу в формально-содержательном смысле, который вкладывал в это понятие М.М. Бахтин. В контексте творчества Паскаля речь идет о спорах между иезуитами и янсенистами во Франции XVII века. Для проявления своего взгляда на янсенистский характер творчества Паскаля К.Ю. Кашлявик разбирает семантические топоры янсенизма, четко оговаривая, что «янсенизм – категория, не имевшая достаточной доктринальной основы, трудноуловимое понятие» с многослойными коннотациями. В работе проводится разделение янсенистских смыслов и деятельности «группы Пор-Рояля», с которой и соотносятся произведения рассматриваемого писателя, что «освобождает от предвзятости анализа «Писем к провинциалу» как произведения «янсенистской» поэтики и восприятия Паскаля как писателя-янсениста» (С. 25 автореферата, С. 177-188 диссертации). Такая точка зрения представляется всесторонне аргументированной. Хотя можно вспомнить труд Л. Гольдмана «Сокровенный Бог», распространявшего влияние янсенизма не только на поэтику Паскаля, но и на трагедии Расина, что указывает на общий дух эпохи и на раскрытую в диссертации многослойность самого понятия «янсенизм».

В разделе «Паскаль литературный» (С. 197-209 диссертации) непосредственно анализируются художественные особенности «Писем к провинциалу», раскрывается значение использованных в них псевдонимов, их вписанность в литературный контекст Возрождения и Нового времени, «единого большого стиля» (С. 203 диссертации). В диссертации разбираются особенности разных персонажей «Писем...», их причастность к различным жанрам (мениппова сатира, сократический диалог, самоотчет-исповедь), к разговорной стихии диалога «на площади» (М.М. Бахтин), использование в

них литературных приемов бурлеска и каламбура, в речевых характеристиках персонажей. Думается, что для большей убедительности рассуждений о комическом мог бы стать в диссертации анализ паскалевской концепции смеха, изложенной достаточно последовательно в «XI письме к провинциалу». Неслучайно Вольтер-сатирик, в целом являясь идейным противником Паскаля, восхищается именно этим его произведением. В данном контексте можно было бы отметить, что паскалевский образ «простака» по-своему трансформирован Вольтером в иных идеологических целях в «Кандиде» и «Простодушном».

Для характеристики «свободного слова» Паскаля стоило бы уделить внимание рассмотрению «готового слова» в феномене казуистики как формально юридического комментирования иезуитами нравственной жизни человека и использования «благочестивых хитростей» и своеобразных приемов (направление, намерения, истолкование терминов и т.п.) Было бы небесполезным акцентировать переходы интонационных модуляций в динамике движения от образа недоумевающего «простака» к «образам ироничного» «порядочного человека» и гневливого проповедника, смену темпов и ритмов повествования.

Суждение о литературных достоинствах «Писем...» на С. 204 принадлежат скорее не мадам де Скюдери, а мадам де Севинье и перекликается с другими высказываниями последней (С. 206 диссертации). Было бы интересно присовокупить к многоаспектному анализу «Писем...» и более подробный разбор их читательского восприятия и роста тиража. Над их дерзкой проблематикой и интригующей аббревиатурой автора ломали голову не только доктора богословия и судьи, монахи и светские дамы, нагружившиеся в перипетии шумных споров и восхищавшиеся пронизательной критикой остроумного анонима, но и крупные правительственные чиновники вместе с полицией. Так, канцлеру Сегье, который выдавал могущественную привилегию на изобретенную молодым

Паскалем арифметическую машину, пришлось семь раз отворять кровь для предупреждения апоплексического удара. Также можно было затронуть реакцию иезуитов на «Письма», которые в своих пасквилях, памфлетах, обвинительных проповедях и речах называют их анонимного автора безбожником, невеждой, скоморохом, клеветником, еретиком, сочинителем романов... Подобные характеристики проливают дополнительный косвенный свет на собственно литературную составляющую «Писем...», равно как и диалог между Арно и знаменитым теоретиком классицизма Буало. Первый, отвечая на вопрос второго о том, как работал Паскаль над «Письмами», вспоминал, что тот читал готовое сочинение перед большой аудиторией отшельников, и если все восхищались, но находился один, кого письмо не затрагивало, он искал новые варианты, одобренные единогласно. Буало сравнивал седьмое письмо с дуэлью на рапирах, которая постепенно оживляется, становится все более блестящей, поднимаясь до головокружительного крещендо.

Для подкрепления тезисов и выводов третьей главы можно было бы привести примеры влияния «Писем к провинциалу» в «Тартюфе» Мольера, в проповедях Боссюэ, вообще в изменении самого языка, становящегося менее прециозным, приобретающего черты ясности и отчетливости, которые обыкновенно приписываются французскому духу.

Может быть, стоило бы именно в третьей главе сосредоточить и систематизировать характеристики писательского самосознания Паскаля, которые встречаются в разных местах диссертации и привлечь к исследовательскому обсуждению его принципов в «искусстве убеждать», в различении «тонкого» и «математического» ума и т.п.

В «Мыслях» он пишет, что ненавидит равно шутовской и напыщенный слог, рассчитанный на «ухо», а не на «сердце»; ему не нравятся фальшивые красоты Цицерона, форсированные антитезы, представляющие собой «фальшивые окна для симметрии»: автор подобных антитез не говорит

правдиво, а лишь «делает верные фигуры». И хотя для писателя нет никаких общих правил, автор «Мыслей» формулирует для себя ряд частных установок, вполне проявленных в «Письмах к провинциалу»: от сугубо технических (если в речи встречаются одинаковые слова и невозможно никак их избежать без потери ее смысла, то такие повторения не являются ошибкой в данном месте, а, напротив, совершенно необходимы) или более сложных (разный порядок слов даёт различные смыслы, а различные смыслы приводят к разному эффекту – значение понятий порядка и беспорядка в творчестве Паскаля убедительно раскрыто в диссертации) до принципиальных: писатель должен понравиться читателю, но делать это так, чтобы приятное (в широком смысле слова, как соответствие вкусу) сочеталось с реальным и вытекало из истинного. Достигнуть всего этого можно лишь при трудноопределимом соединении спонтанного и продуманного, дающего естественный стиль, когда «автор» растворяется в «человеке».

Искренность и прямота, простота и ясность, стремление к возможно более точному соответствию различных порядков бытия их основному выражению – таковы основные эстетические принципы Паскаля-писателя, характерные для стилистики «Писем к провинциалу». Эти принципы (правда, на иной интонационной основе и при решении других задач) еще четче выражены в стиле «Мыслей».

В четвертой главе «Поэтика прерванного текста» «Мыслей» рассматриваются основные принципы диалогической поэтики Паскаля и обозначенные выше принципы его эстетики стилистики в динамическом соотношении текста и произведения, которое ведёт от незавершенности к открытому произведению (С. 252-353 диссертации).

Для характеристики главного произведения Паскаля К.Ю. Каплявик опирается на принципиальное замечание С.С. Аверинцева о «Мыслях» как «оппозиции книги без жанра, не сделанной, не состоявшейся, нелитературной с точки зрения традиционной концепции жанра, оказавшейся

самым жизненным шедевром века» (С. 252-253 диссертации). Здесь ещё раз находит подтверждение высказанный во введении к диссертации тезис о том, что Паскаля писателем делает история литературы. Об этом свидетельствует контекст посмертного издания «Мыслей» в окружении «Максим» Ларошфуко, сборников «Басни» Лафонтена, «Тартюфа» Мольера, «Речи на смерть Генриетты Английской» Боссюэ.

Аутентичность и убедительность диссертационного исследования «Мыслей» усиливается текстологическим анализом, о котором шла речь в первой главе, черновиков и корректуры автора. Необходимость определения жанра «Мыслей» потребовала описания жанра апологии (С. 255-257 диссертации). Попутные замечания о «формализации» (Б. Ярхо) замысла Паскаля вводят новый термин применительно к поэтике Паскаля: «внутри “Мыслей” слово “апология” жанрово обнаруживает себя в пластах текста, относящихся к защите и доказательству христианского видения мира» (С. 259 диссертации).

Целостность «Мыслей» не исключает использования поэтики «прерванного текста», соотносящегося с эстетическими тенденциями века и художественным опытом Ларошфуко. Но тезис о поэтике прерванного текста не противоречит основному положению диссертации: «“Мысли” - не сборник цитат и афоризмов, но текст в становлении, где каждый фрагмент обладает логическим содержанием и динамической энергией» (С. 272-274 диссертации) в синтезе жанров. При этом К.Ю. Кашлявик показывает, разбирая разные фрагменты, как складывается «ядерный стиль» «Мыслей», что дает ей адекватные инструменты для последовательного и корректного прочтения их незавершённости и открытости.

Предпринятое в диссертации описание архитектоники «Мыслей», их деления на литературную и теологическую части раскрывает замысел автора, сделанные им переходы от видимого (человек и его испорченная природа) к невидимому (к вере и к Богу), соотношения двух уровней

(буквенного и символического) толкования Священного Писания в традиции Св. Августина, чьим учеником признавал себя и Паскаль.

Особое место в четвертой главе занимает разбор фундаментального фрагмента «О трех порядках» в связи с другими произведениями Паскаля – с математическим сочинением «Сложение порядков и величин» и с «Письмом к августейшей королеве Швеции», что еще раз по-своему характеризует произведения Паскаля как единый текст, с сочетанием в нем математического, философского, теологического и собственно литературного контекста. Анализ синтаксических, лексических и ритмических повторов, соотносящихся с поэтикой библейского параллелизма и возрастанием смысла, с одновременно глубинным содержанием и стилевым своеобразием «Мыслей», позволяет соискательнице определить ядро и центр, от которых выстраиваются их тематические оппозиции – описать основной контур этого незавершенного произведения и прийти к выводу о фундаментальном месте фрагмента «о трех порядках» как «контрапункте художественного мира писателя» (С. 353 диссертации) в общем плане паскалевской поэтики.

Однако для расширения инструментария и объемности анализа было бы целесообразно рассмотреть и другие столь же завершенные и обширные фрагменты, другие «тематические центры», о которых упомянуто в работе: «Imagination/Воображение», «Divertissement/Развлечение», «Disproportion de l'homme/Несоразмерность человека», «Infini rien/Бесконечное ничто», «Mystère de Jésus/Таинство Иисуса». Было бы также небесплодным для характеристики смыслов «Трех порядков бытия» обратиться к трем беседам Паскаля, предназначенных для сына герцога де Люина и опубликованных Николем в трактате «О воспитании принца».

Высказанные замечания носят частный, а не принципиальный и императивный характер, являются скорее соображениями «по поводу» и рассчитаны на дальнейшие исследования.

Предлагаемая К.Ю. Кашлявик объемная, глубокая и полнокровная работа, соединившая литературоведческие принципы, теоретический анализ и культурологический подход вводит рассматриваемую проблематику в новую аналитическую орбиту, раскрывает в ней «спрятанные» слои и смыслы и открывает широкие перспективы для её обсуждения в самых разных контекстах, в том числе с важными вопросами отечественной истории, философии и литературы, что уже обозначено в приложении (статья «Аввакум Петров и Блез Паскаль»). Широта интеллектуального кругозора, соответствующие познания в области богословия, культурологии, истории и теории литературы придают исходным посылкам, последовательности доказательств, строгой аргументированности выводов неконъюнктурную весомость и значимость.

Материалы рецензируемой диссертации получили широкую апробацию на различных, в том числе и статусных международных конференциях, и отразились в монографии и многочисленных статьях, публиковавшихся в авторитетных отечественных и зарубежных изданиях и высоко оцененных паскалеведами.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в возможности использования наблюдений, разработок и выводов ее автора в области жанрологии, при изучении целостного единства биографических, мировоззренческих, идеологических, эстетических принципов в творчестве отечественных и зарубежных писателей, в компаративистских исследованиях, связанных с рассмотрением вопросов художественного генезиса и мышления в единстве с религиозными и философскими системами разных исторических периодов. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы для подготовки спецкурсов и спецсеминаров по истории литературы, в лекционных курсах по теории и истории литературы, а также в разнообразных учебно-методических пособиях и академических изданиях, затрагивающих сходную проблематику.

Все вышеизложенное дает основания полагать, что рецензируемый труд является самостоятельным и завершенным исследованием, которое вносит существенный вклад в изучение творческого наследия Паскаля и его историко-литературного и современного значения.

Диссертация К.Ю. Кашлявик «Поэтика прозы Блеза Паскаля» соответствует критериям и требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденным Постановлением Правительства РФ №842 от 24 сентября 2013 года (пп. 9, 10, 11, 13, 24), а ее автор, Кашлявик Кира Юрьевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Доктор филологических наук,

профессор, зав. кафедрой зарубежной литературы

Литературного института им. А.М. Горького,

заслуженный деятель науки РФ

Б.Н. Тарасов

21.09.2015

Подпись Б. Н. Тарасова удостоверяю.

Секретарь Ученого совета Литературного института им. А.М. Горького

Профессор М.В. Иванова

Подпись Тарасова Б.Н.
заверяется
Нач. отдела кадров
Крижановская Л.И.

Сведения об оппоненте

Тарасов Борис Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького. Заслуженный деятель науки РФ.

Адрес института: Россия, 123104, Москва, ул. Тверской Бульвар, д. 25.
Рабочий телефон: 8(495)694-06-81. Электронный адрес: bntarasov@yandex.ru.

Публикации:

Книги:

1. Паскаль.М., 1979. (Серия ЖЗЛ) 1979.
2. Паскаль.М., (Серия ЖЗЛ); 2-е изд.,1982.
3. Поиски правды. М.,1984.
4. Pascalis.Vilnius, 1985.
5. В мире человека. М., 1986.
6. Чаадаев. М., (Серия ЖЗЛ); 1986.
7. Чаадаев. М., (Серия ЖЗЛ); 2-е изд., 1990.
8. Этические взгляды П.Я.Чаадаева. М., 1989.
9. «Закон Я» и «закон любви» (нравственная философия Достоевского). М., 1991.
10. Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский. М., 1999.
11. Николай Первый и его время. Т.1-2. М., 2000.
12. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции). СПб.,2002
13. Мыслящий тростник (Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей). М., 2004.
14. Мыслящий тростник (Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей); 2-е изд. 2009.
15. Историсофия Ф.И.Тютчева в современном контексте. М., 2006.
16. Паскаль. (Серия ЖЗЛ). М.,2006.
17. Паскаль. М.,2006

18. Рыцарь самодержавия. М.,2007.
19. Чаадаев в Москве. М.,2007
20. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе, М., 2008.
21. Пётр Яковлевич Чаадаев. М.,2008.
22. Тютчев Ф.И. Избр.соч. М.,2009 (вст.статья, пер. с фр. и нем., коммент.)
23. Накъде върви историята? (Метаморфози на идеи и хора в светлината на християнската традиция). София, 2010.
24. Феномены западной культуры в контексте антропологических традиций эпохи Возрождения и христианской мысли. М., 2011.
25. «Тайна человека» и тайна истории (непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский, неопознанный Тютчев). Спб., 2012.
26. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции); 2-е изд., Спб., 2013.
27. Ф.М. Достоевский и современный мир. М., 2013.
28. Фёдор Иванович Тютчев Юбилейное издание в трёх томах. М., 2013 (составление, вступительная статья, перевод с фр. и нем., комментарии).

Статьи:

1. Послесловие и комментарии к книге: Пётр Яковлевич Чаадаев «Философические письма: Статьи. Афоризмы. Письма». М., 2006. С. 442-542.
2. Достоевский и Паскаль (творческие параллели)// Вопросы литературы. 1999. №5. С.75—92.
3. Тютчев и Паскаль (антиномии бытия и сознания в свете христианской онтологии) // Русская литература. 2000. № 3. С. 53—74.
Тютчев и Паскаль (антиномии бытия и сознания в свете христианской онтологии) // Русская литература. 2000. № 4. С. 26—45.

4. Dostoevsky et Pascal (parallèles créatrices) // Revue de la littérature comparée. 2000. № 4. P. 493—514.
5. La réception de la personne et de l'oeuvre de Pascal chez L. N. Tolstoy // La Russie et le monde francophone. Ottawa, 2007. P. 199—205.
6. L'ordre du coeur dans la pensée de Pascal et dans la tradition orthodoxe // Chroniques de Port-Royal. Port-Royal et la tradition chrétienne d'Orient. Paris, 2009. С.51-65.
7. Une nouvelle Renaissance ou une Apocalypse précipitée (A propos d' une discussion actuelle sur la conception losévienne de l' «Esthétique de la Renaissance») в сб. «L'oeuvre d'Alekseï Losev dans le contexte de la culture européenne», Paris, 2010, p. 87-109.
8. Розанов и Паскаль // Сб. Философия в России 1-пол. XX века. М., РОССПЭН 2012. С. 336-350.
9. Христианская антропология, аксиология и историософия как основа журнализма в «Дневнике писателя» Достоевского // XV Симпозиум Международного общества Достоевского «Достоевский и журнализм». Тезисы докладов. М. 2013. С. 121-122.
10. Критика современной цивилизации в произведениях К. Ясперса, русских философов и писателей // Сб. Свобода и экзистенция. Идеи Карла Ясперса в современной философии и науке. М.-СПб. Нестор-История. 2013. С. 37-48.